

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Арийская заимствованная лексика языка бурушаски в свете недавних этимологических исследований

Антон Ильич Коган

Институт востоковедения РАН
Москва, Россия
kogan_anton@yahoo.com

В статье сжато излагаются результаты этимологических исследований арийской заимствованной лексики в языке бурушаски, проведенных автором в течение нескольких последних лет. Согласно этим результатам, весьма значительная часть арийских элементов не может быть выведена ни из одного традиционно выделяемого языка-донора (шина, кховар, урду, персидского, восточноиранских языков Памира). Усвоение подобного рода лексем следует датировать эпохой, предшествующей распаду протобурушаского состояния и расхождению ясинского диалекта и собственно бурушаски. Показано также, что общебурушаский сегмент арийского лексического пласта не является этимологически однородным. В нем следует выделять как минимум два самостоятельных слоя, каждый из которых обладает своими историко-фонетическими особенностями. Историческая фонетика одного из этих слоев характеризуется большей архаичностью, другого — более инновационна.

Автор выдвигает гипотезу о том, что источником заимствований с инновационной фонетикой мог быть арийский (вероятнее всего, дардский) идиом, распространенный на территории нынешнего Ладакха до завоевания её тибетцами в VIII в. н. э. На такую возможность указывает, в частности, тот факт, что целый ряд слов арийского происхождения является общим для бурушаски и северо-западных тибетских диалектов.

Ключевые слова: язык бурушаски, арийские языки, дардские языки, тибетские диалекты, языковые контакты, лексические заимствования, этимология

Для цитирования: Коган А. И. Арийская заимствованная лексика языка бурушаски в свете недавних этимологических исследований *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 115–131.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-115-131

Aryan borrowings in Burushaski in light of recent etymological research

Anton Ilyich Kogan

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

kogan_anton@yahoo.com

The present article summarizes etymological research on Aryan borrowings in the Burushaski language, conducted by the author over the last several years. According to this research, a very large part of Aryan elements cannot be derived from any of the traditionally identified donor languages (i. e. Shina, Khowar, Urdu, Persian and East Iranian Pamir languages). The borrowing of such lexemes must date back to the period before the split of the Proto-Burushaski state and the divergence of the Yasin dialect and Burushaski proper. It is also demonstrated that this “pan-Burushaski” segment of the Aryan lexical stratum is not etymologically homogeneous. At least two different layers should be distinguished, each possessing its own historical-phonological peculiarities. The historical phonology of one of these layers features greater archaism, whereas that of the other is more innovative. The author hypothesizes that the source of loanwords with innovative phonology may have been an Aryan (most probably, Dardic) dialect spoken in the present-day Ladakh before this area was conquered by Tibetans in the 8th century CE. Such a possibility is supported, *inter alia*, by the fact that quite a number of Aryan words are common for Burushaski and northwestern Tibetan dialects.

Keywords: Burushaski language, Aryan languages, Dardic languages, Tibetan dialects, language contact, lexical borrowing, etymology

For citation: Kogan A. I. Aryan loan vocabulary in Burushaski in light of recent etymological research. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 115–131.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-115-131

Введение

Язык бурушаски в течение многих столетий тесно взаимодействовал и продолжает взаимодействовать с целым рядом языков арийской ветви индоевропейской семьи. Область его распространения почти полностью окружена ареалами бытования дардских и восточноиранских идиомов¹. Кроме того, некоторые индоиранские языки использовались и используются буришками в качестве официальных и литературных. Естественным следствием подобного положения вещей стало наличие в словарном составе бурушаски многочисленных арийских заимствований, усвоенных из разных источников². Среди этих источников исследователи обычно выделяют классический персидский (официальный и литературный язык региона в средние века и позднее вплоть до начала XX в.), урду (официальный и литературный язык региона в настоящее время), восточноиранские (ваханский, ишкашимский) и дардские (шина, ховар) языки. Последние два идиома, как принято считать, оказали на лексику бурушаски наиболее сильное влияние.

Хотя источники арийских заимствований часто сводят к упомянутым четырем, есть серьезные основания полагать, что приведенный выше список не является исчерпывающим. Уже в 40-е годы XX в. Георг Моргенштерн показал

¹ Лишь на юго-востоке непосредственным соседом бурушаски являются не арийские языки, а тибетские диалекты.

² При этом представляется несомненным, что контакты арийских языков и бурушаски имели результатом не одностороннее воздействие первых на последний, а взаимовлияние. Для целого ряда индоиранских языков (в частности, для восточноиранских языков Памира) предполагается наличие бурушаского субстрата. В отечественной науке наиболее выдающийся вклад в изучение данной проблемы внесла Д. И. Эдельман. См., например, её работу [Эдельман 1980]. Интересные аспекты взаимодействия бурушаски и ваханского языков исследовались И. М. Стеблин-Каменским [Стеблин-Каменский 1979]. О влиянии бурушаски на диалекты дардского языка шина см. ниже.

возможное наличие в бурушаски санскритских лексических элементов [Morgenstierne 1945]³. Факт их усвоения неудивителен, если принять во внимание, что в доисламскую эпоху в рассматриваемом ареале вероятнее всего был распространен буддизм⁴. В указанной статье Моргенстерьне приводит также два заимствования из арийского источника с весьма архаичной фонологией:

- 1) *-faltas* ‘ломать’ [Morgenstierne 1945: 93], ср. др.-инд. *sphatati* ‘разрывается’, *sphāṭayati* ‘раскалывается’, др.-в.-нем. *spalten*, нем. *spalten* ‘раскалывать’ < и.-е. *(s)p(h)el-t- [Rix et al. 2001: 577; Pokorny 1959: 985–987];
- 2) *phaltočīj* ‘обмотки для ног’ [Morgenstierne 1945: 93], ср. др.-инд. *raṭṭa-* ‘ткань, повязка’, хинди-урду *raṭṭī* ‘полоска ткани, лента, обмотка’ (> англ. *puttee* ‘обмотка’), ст.-

³ Нельзя исключить также присутствие заимствований из некоего раннего среднеиндийского источника. К таковым, возможно, относятся названия дней недели в бурушаски: *candūra* ‘понедельник’ (ср. др.-инд. *candravāra*- то же), *añāro* ‘вторник’ (ср. др.-инд. *aṅgāraka*- ‘Марс’, синххи *añāro* ‘вторник’), *bódo* ‘среда’ (ср. др.-инд. *budha-* ‘Меркурий’, *baudha-*, *budhavāra-* ‘среда’), *biréspat* ‘четверг’ (ср. др.-инд. *br̥haspati-* ‘имя божества, планета Юпитер’, *br̥haspativāra-* ‘четверг’), *súkuro* ‘пятница’ (ср. др.-инд. *śukra*- ‘Венера’, *śukravāra-* ‘пятница’), *símsér* ‘суббота’ (ср. др.-инд. *śanaiscara-* ‘Сатурн’, *śanaiscaravāra-* ‘суббота’), *adít* ‘воскресенье’ (ср. др.-инд. *āditya-* ‘солнце’, *ādityavāra-* ‘воскресенье’). При несомненно индоарийском происхождении перечисленные слова обнаруживают ряд историко-фонетических инноваций в сравнении с древнеиндийским. В то же время в их фонологии налицо и некоторые архаизмы, утраченные в поздних среднеиндийских и новоиндийских языках, в частности сохранение интервокальных смычных согласных. Не исключено, впрочем, что приведенные лексемы являются очень ранними фонологически адаптированными санскритизмами.

⁴ На это указывают обнаруженные в регионе наскальные рисунки и надписи [Dani 2001]. В прилегающей к области бытования бурушаски долине Гильгит было найдено собрание буддийских рукописей на санскрите.

слав. платьно ‘ткань, полотно’, др.-в.-нем. *faltan*, др.-англ. *fealdan* ‘складывать’ < и.-е. **pel-t-o-* [Pokorny 1959: 803, 804].

Наиболее примечательной фонологической чертой обеих приведенных лексем является консонантный кластер *lt*, соответствующий ретрофлексным смычным *ṭ* и *ṭṭ* в древнеиндийском. Данное соответствие показывает, что в языке-источнике сочетания вида «*l* + зубной» не были подвержены действию закона Фортунатова и этот язык, следовательно, не мог являться индоарийским или современным дардским⁵. Иранский источник также представляется маловероятным. Регулярным иранским рефлексом и.-е. **l* в кластерах является *r*, а кроме того ни в одном из иранских языков, контактировавших с бурушаски, не засвидетельствованы этимологические соответствия двух указанных слов. Всё вышеизложенное четко показывает, что вопрос об этимологической стратификации арийских заимствований в бурушаски всё еще далек не ясен и нуждается в дальнейшем изучении.

С целью пролить свет на данный вопрос нами было проведено этимологическое исследование арийской заимствованной лексики, содержащейся в крупнейшем на сегодняшний день словаре языка бурушаски — бурушаски-немецком словаре Германа Бергера [Berger 1998b]. Результаты

⁵ Хотя закон Фортунатова был впервые открыт для древнеиндийского, он, по всей видимости, действует также в современных дардских и нуристанских языках. Ср., например, дардские и нуристанские лексемы, относящиеся к двум вышеупомянутым этимонам: кашмири *rhaṭun* ‘разрываться’, шина (драсский диалект) *photyōṇo* ‘раскалывать’, кохистани долины Инда *rhaṭāv* ‘спариваться’ (<**sphāṭyate* [Zoller 2005: 288]), кати *rṭe-*, камвири *rṭa-* ‘отслаиваться; потрескивать (о дровах в костре)’; пашаи *raṭā* ‘полоска кожи’, кховар *reṭek*, калаша *páṭi* ‘шарф’, кохистани долины Инда *raṭh* ‘кожаный ремень пращи; ремень ружья; лента, полоска’ [Zoller 2005: 269], кашмири *raṭh* ‘длинная полоса ткани’, камвири *rāṭū* ‘тюрбан’, прасун *riṭi*, *riṭi* ‘край одежды’ [Buddruss, Degener 2015: 754].

исследования полностью приведены и детально обсуждены в статье [Kogan 2024].

Уточнение этимологической стратификации арийской заимствованной лексики в языке бурушаски

Возможно, наиболее примечательный факт, выявленный в ходе нашей работы, заключается в том, что весьма значительная, а возможно и большая часть зафиксированных в словаре Г. Бергера арийских заимствований является общей для всех диалектных разновидностей бурушаски. Данное обстоятельство представляется чрезвычайно важным в свете ряда фактов лингвистической географии и этнической истории рассматриваемого региона.

Как известно, язык бурушаски включает два заметно различающихся идиома, распространенных в пределах административной территории Гильгит-Балтистан на севере Пакистана⁶. На западном идиоме, известном как *верчиквар*, говорят в долине Ясин, на восточном, иногда называемом «собственно бурушаски» — в бассейне реки Хунза. В восточном идиоме в свою очередь выделяются два диалекта (поддиалекта): Хунзы и Нагера⁷. Долины Ясина и Хунзы непосредственно не соприкасаются друг с другом. Их разделяет протяженная долина р. Гильгит, в настоящее время населенная носителями языка шина. Поскольку единственный путь, напрямую связывающий Хунзу и Ясин, проходит именно через гильгитскую долину, есть основания полагать, что шина (вернее, его гильгитский диалект) сыграл

⁶ Некоторое число (по имеющимся данным, несколько сот) носителей бурушаски проживает в союзной территории Джамму и Кашмир Республики Индия. Это потомки переселенцев, осевших в Кашмирской долине около столетия назад [Munshi 2019].

⁷ Хунза и Нагер (также Нагар, Нагир) — два округа (в прошлом княжества), расположенных соответственно на правом и левом берегу р. Хунза.

роль клина, расколившего некогда единый бурушаский языковой ареал. Иными словами, до распространения шина языком долины Гильгита, вероятнее всего, был бурушаски⁸, а миграция шинайязычного населения явилась решающим фактором, обусловившим дивергенцию диалектов Ясина и Хунзы-Нагера. Последняя, как показывают глоттохронологические подсчеты, имела место примерно в X в. н. э., и можно предположить, что именно в это время мог начаться приток лексических заимствований из шина в восточный диалект бурушаски. По всей видимости, этот процесс был следствием не только и не столько тесных экономических и политических связей между Хунзой и Гильгитом, сколько наплыва носителей шина в Хунзу и Нагер⁹.

Описанные этнические изменения, вероятно, совершенно не затронули Ясин. Последний в течение весьма долгого времени находился под властью выходцев из соседнего Читрала, говоривших на языке кховар. Это вызвало широкое распространение двуязычия¹⁰ и, как следствие, массовое заимствование лексики кховар в ясинский диалект бурушаски. Наличие весьма значительного кховарского лексического пласта четко противопоставляет верчиквар

⁸ Данная точка зрения, по-видимому, является общепринятой. См., например, [Йеттмар 1986; Lorimer 1935; 1937]. В её пользу свидетельствует, в частности, тот факт, что гильгитский диалект обнаруживает наиболее глубокое в сравнении с другими разновидностями шина влияние языка бурушаски. Последнее проявляется не только в лексике, но и на других уровнях языковой системы. Подробнее см. [Lorimer 1937].

⁹ Этот наплыв не вызвал полной смены языка, как это произошло в Гильгите. Однако его следствием стало появление в Хунзе и Нагере этнической группы под названием *шин*, члены которой говорят или говорили в прошлом на языке шина. В Нагере доля этой группы во всем населении выше, чем в Хунзе, и неудивительно, что именно диалект Нагера обнаруживает наиболее сильное влияние шина в лексике.

¹⁰ В 1-ой половине XX в. примерно треть населения Ясина была двуязычной, владея помимо бурушаски также и кховар [Lorimer 1935].

диалекту Хунзы-Нагера, подвергшемуся влиянию шина. Таким образом, источники относительно недавних дардских заимствований различны для двух разновидностей бурушаски, а та арийская лексика, которая является для них общей, должна была проникнуть из языка или языков, отличных от шина и кховар. Усвоение этой лексики, вероятнее всего, началось до распада общебурушаского языкового состояния, т. е. более тысячелетия назад. Можно предположить, что две рассмотренные выше фонологически архаичные лексемы арийского происхождения, отмеченные Моргенштерне, относятся именно к этому раннему этиологическому слою. Подобного рода заимствования бесспорно нуждаются в тщательном исследовании. Такое исследование могло бы не только пролить свет на историю языковых контактов в регионе верховьев Инда, но и дать некоторые результаты, полезные для сравнительно-исторического изучения арийских языков. При отборе материала из словаря Бергера мы использовали три основных критерия:

- 1) наличие слова как в собственно бурушаски, так и в диалекте верчиквар;
- 2) наличие у слова правдоподобной арийской этимологии;
- 3) отсутствие у слова точных этимологических параллелей в исконной лексике шина и/или кховар.

Последний критерий представляется немаловажным, поскольку наличие соответствий в обоих соседних с бурушаски дардских языках предполагает возможность параллельного проникновения лексемы из кховар в ясинский диалект и из шина в диалект Хунзы-Нагера. В отдельных случаях к числу ранних мы видели основания отнести и некоторые заимствования, не удовлетворяющие всем перечисленным выше условиям. Это происходило тогда, когда на ранний характер их усвоения и невозможность выведения из современных арийских идиомов однозначно указывали факты исторической фонетики.

Всего нами было выявлено более 100 слов, чья принадлежность к раннему (общебурушаскому) слою арийских заимствований представляется несомненной или весьма

вероятной¹¹. Чрезвычайно интересной их особенностью является историко-фонетическая неоднородность. В целом ряде случаев мы обнаруживаем разные отражения одной и той же общеарийской фонемы или фонемного сочетания в одинаковой позиции. Так, древние начальные палатальные аффрикаты в части примеров остаются неизменными (ср. бур., верч. *códo* ‘издевательство, колкость, оскорбление’¹² при др.-инд. *cōda-* ‘стрекало’, *cōdayati* ‘побуждает; докучает’, пали *cōdaka-* ‘упрекающий’, кл.-перс., тадж. *čust* ‘пряткий, расторопный’ < общеарийск. **čaud-* ‘побуждать, подстегивать, приводить в движение’; бур. *jíi*, верч. *jí* ‘жизнь; душа; сам; возлюбленный’ при др.-инд. *jīva-* ‘живой, живое существо, жизнь’, др.-перс. *jīva-*, авест. *jīsha-* ‘живой’, кашмири *ziw* ‘душа, живое существо’, панджаби *jīši*, хинди-урду *jī* ‘жизнь, душа’, непали *jīu* ‘тело; жизнь’ < общеарийск. **jīṣa-* ‘живой’¹³), а в другой части — дентализуются, иногда с последующей ассимиляцией (ср. бур., верч. *čar* ‘сторож’ при др.-инд. *cara-* ‘шпион (букв. ‘бродящий, передвигающийся’)’ < общеарийск. *čar-* ‘передвигаться’, бур. *zan -t-* ‘дробить, размельчать; ранить’ при др.-инд. *hanti*, авест. *ȝanti* ‘бьет, удаляет; убивает’, кл.-перс., тадж. *zan-* ‘бить (основа н. в.)’, шугн. *zīn-* ‘убивать, бить, мучить’, язг., ишк. *ȝan-* ‘убивать’ < общеарийск. **ȝhanti* то же ‘бьет, убивает’).

¹¹ Основной список этих словдается в работе [Kogan 2024]. Небольшие дополнения к списку см. в статье [Kogan 2025].

¹² Лексический материал из диалектов бурушаски приводится в транскрипции, использованной в словаре Г. Бергера. Глухая зубная непридыхательная и придыхательная аффрикаты транскрибируются как *č* и *čh*, их палатальные и церебральные корреляты — как *ć*, *ćh* и *ç*, *çh* соответственно, *ś* передает палатальный сибилянт, *ʂ* — церебральный, *ǵ* — звонкий велярный спирант, *ȝ* — звонкий ретрофлексный сибилянт с одновременным палатально-дорсальным сужением (“ein stimmhafter retroflexer Sibilant mit gleichzeitiger palatal-dorsaler Engebildung” [Berger 1998a: 22]).

¹³ Дополнительные примеры рассматриваемых здесь и далее историко-фонетических явлений см. в работе [Kogan 2024].

Древний сонант **w* (**u*) в начале слова в одном случае сохраняется (ср. бур. *wáar-* ‘накрывает’, *wáariš* ‘крышка’ при др.-инд. *ug̊noti* ‘покрывает’, авест. *aib̊i-vərənūshaiti* ‘скрывает’ < общеарийск. **u̥ar-* ‘покрывать’), во всех остальных — переходит в *b* (ср. бур., верч. *bas-* ‘садиться; оседать, селиться; выпадать (о снеге или росе)’ при др.-инд. *vasati* ‘проживает, остается’, авест. *vāñhāiti* ‘проживает’, хинди-урду *bas-nā* ‘проживать’, непали *basnu* ‘оставаться; населять; сидеть’, кашмири *wasun* ‘опускаться; сходить на берег’ < общеарийск. **u̥as-* ‘селиться, проживать, пребывать’; бур., верч. *bat* ‘плоский камень, каменная плита’ при ашкун, вайгали *wāt*, кати *wo̥t*, тирахи *bḁt* ‘камень’, гавар-бати *wāt* ‘камень, жернов’, калаша *bat*, кховар *bort*, башкарик *bḁt*, торвали *bāt*, пхалура *bāt*, шина *bāt* ‘камень’, кашмири *waṭh* ‘круглый камень’, лахнда, панджаби *vaṭṭā* ‘камень’, хот.-сак. *ñdāra-* ‘кристалл’, вах. *wərt* ‘мрамор; жернов; камень’, курд. *bar(d)* ‘камень’ < общеарийск. **u̥arta-* ‘круглый камень’; бур. *bi̥k*, верч. *behék* ‘ива’ при др.-инд. *vēta-* ‘тростник’, пашаи *wēi*, шина *bēi*, кл.-перс., тадж. *bēd*, шугн. *wēd* ‘ива’, язг. *wi̥dg'* ‘виноградная лоза’ < общеарийск. **u̥aita-*, **u̥aiti-* ‘ива, лоза’¹⁴).

Для старого интервокального *d* отмечены как примеры сохранения (ср. выше бур., верч. *ćódo* ‘издевательство, колкость, оскорбление’), так и примеры выпадения (ср. бур. *ćhe*, верч. *céi* ‘зарубка’ при др.-инд. *chēda-* ‘разрез, надрез, кусок’, авест. *auua.hisiðiiḁt* ‘рассёк бы на две части’ < общеарийск. **sćaid-* ‘рассекать, разрезать’, **sćaida-* ‘рез’).

Рефлекс общеарийского и праиндоевропейского кластера **lt* в одном примере является продолжением более раннего церебрального¹⁵, что указывает на развитие согласно закону Фортунатова (ср. бур. *páayo*, верч. *pálu* ‘клин (напр., для раскалывания бревен)’ при др.-инд. *pāṭayati* ‘раскалывает, открывает’ < и.-е. *(s)p(h)el-t-* ‘раскалывать, откалывать’ [Pokorný 1959: 985–987]). В то же время в двух других случаях

¹⁴ Формы, засвидетельствованные в бурушаски, по-видимому, отражают прототип **u̥aitaka-* или **u̥aitikā-*).

¹⁵ Протобурушаски **r* > бур. *y*, верч. *l*.

данный кластер не подвергается действию этого закона (ср. два вышеприведенных примера из статьи Г. Моргенстерьерне).

Все указанные факты четко показывают, что ранние арийские заимствования в бурушаски не могут рассматриваться как единый этимологический пласт в строгом смысле слова. Скорее их следует объединить в два отдельных слоя, один из которых характеризуется более архаичной, а второй — более инновационной исторической фонетикой.

В ходе анализа нам удалось обнаружить ряд примеров историко-фонетического развития, характерного для дардских языков. Сюда относится, например, развитие общеарийск. **kš* > *čh* (ср. бур. *čhur* ‘большой нож’ (например, для забоя скота’), верч. *čur* ‘клин, используемый для распора двух метательных жгутов рогатки’ при др.-индуистской *kṣura-* ‘бритва’, *kṣurī-* ‘нож, кинжал’, калаша *čhūrī* ‘нож’, башкарик *čhur*, торвали *čhū*, пхалура *čhūr* ‘кинжал, нож’, шина *čūr* ‘маленький нож’, < общеарийск. **kṣura-* < и.-е. **ksuro-* [Mayrhofer 1992: 435–436]; бур. *rāači*, верч. *rāči* ‘сторож; дух-хранитель’ при др.-индуистской *rakṣin-* ‘охранник, сторож’, *rakṣati* ‘защищает, охраняет’, арм. *erašxik* ‘поручительство, гаранция’ (< иран.), шина *račhi* ‘охрана’, *rāčhōik̑i* ‘сторожить’, кховар *ročhik* ‘присматривать; пасти’ < общеарийск. *rakṣ-* < и.-е. **h₂leks-* ‘защищать’ [Rix et al. 2001: 278]).

Вероятно также наличие следов дардского развития праиндоевропейского кластера **tk*¹⁶. В одном из выявленных нами заимствований можно предположить развитие этого кластера в виде дентальной аффрикаты *čh* с последующим переходом в *z* в бурушаски¹⁷: бур. (диал. Нагера) *zaq* ‘внезапная, быстро проходящая головная боль; раненый, поврежденный’ < **čhaq*,ср. кховар *čhek* ‘боль, болезнь’, др.-индуистской *kṣatka-* ‘рана’, *kṣaṇoti* ‘ранит, причиняет боль’ < и.-е.

¹⁶ В более старой реконструкции на его месте восстанавливалось сочетание **k'þ* с глухим спирантом Бругмана.

¹⁷ В языке бурушаски отмечен целый ряд случаев озвончения исторических глухих в начальной позиции. В приводимом ниже примере за данным процессом должна была последовать ассимиляция более ранней аффрикаты.

**tk'en-* [Rix et al. 2001: 645]. Непосредственный источник приведенного слова бурушаски, видимо, отражает более ранний прототип **čhataka-*, затронутый регулярной для арийской заимствованной лексики инновационного слоя дентализацией палатальной аффрикаты и выпадением интервокального зубного смычного. Начальный *čh* в этом прототипе идентичен протодардскому рефлексу и.-е. **tk'*.

Необходимо отметить, что источники заимствований обоих (архаичного и инновационного) пластов не поддаются отождествлению с какими-либо известными нам арийскими, в частности дардскими, языками. Есть все основания полагать, что мы имеем дело с полностью вымершими идиомами, не оставившими потомков и известными только по языковым остаткам. Вопрос о количестве этих идиомов, т. е. о том, была ли арийская лексика архаичного и инновационного слоя усвоена из разных языков или из одного языка в разные периоды его существования, пока остается без ответа. Можно лишь надеяться, что будущие исследования помогут пролить на него свет.

О возможной географической локализации одного из идиомов — источников арийских заимствований в языке бурушаски

В связи с арийской заимствованной лексикой в бурушаски необходимо коснуться еще одной небезынтересной проблемы. В ряде наших более ранних публикаций [Kogan 2019; 2020; 2021] было показано, что непосредственно к юго-востоку от бурушасского ареала в прошлом, вероятнее всего, говорили на некоем арийском языке, обнаруживающем ряд дардских черт в исторической фонетике. Единственным доступным сегодня материалом по этому языку являются заимствования из него в северо-западных тибетских диалектах Ладакха и Балтистана, а также в мертвом шангшунгском языке¹⁸. Принимая во внимание рассмотренные выше

¹⁸ Шангшунгский язык, распространенный в прошлом в ряде районов на северо-западе Тибета, в средние века был вытеснен

факты, нельзя не задаться вопросом о том, может ли данный язык состоять в близком родстве или даже быть тождественным языку — источнику по крайней мере части арийских заимствований в бурушаски.

Попытка ответить на этот вопрос была предпринята нами в недавней работе [Kogan 2025]. В ней было показано, что ряд бурушаских лексем арийского происхождения имеет этимологические соответствия в северо-западных тибетских диалектах (балти, пурик, ладакхи), а также (в одном случае) в шангшунгском. При этом удалось выявить историко-фонетические изоглоссы, общие для подобных лексем и их когнитивных, заимствованных в тибетский. К таковым относятся: переход $*\underline{u} > b$ в начале слова, дентализация старых палатальных аффрикат и выпадение интервокальных зубных смычных¹⁹. Все три данные изоглоссы, как уже говорилось, характеризуют инновационный слой арийской заимствованной лексики в бурушаски и противопоставляют его архаичному. Это дает основания полагать, что источником (или одним из источников) арийских элементов с инновационной фонетикой мог являться предположительно дардский идиом, распространенный на территории современного Ладакха до тибетского завоевания VIII в.

Следует, впрочем, отметить, что некоторые историко-фонетические инновации, присущие индоиранским заимствованиям в северо-западных тибетских диалектах и шангшунгском, не были обнаружены нами в арийских заимствованиях в бурушаски. Это, в частности, переходы $*a > o$, и в позиции перед предвокальным носовым, $*\acute{s} > y$, 0 в интервокальном положении, а также утрата носового в историческом кластере $*ng$. Данное обстоятельство, однако, не опровергает выдвинутую выше гипотезу. Не исключено, что арийская лексика инновационного слоя была усвоена буру-

тибетским языком. Относится к западногималайской ветви тибето-бирманской группы сино-тибетской языковой семьи. Известен, прежде всего по ряду фрагментов в средневековых тибетских текстах.

¹⁹ Примеры и их детальный разбор см. в [Kogan 2025].

шаски из языка дотибетского населения Ладакха до того, как имели место перечисленные фонетические изменения.

Сокращения

авест. — авестийский
 арм. — армянский
 бур. — (собственно) бурушаски
 вах. — ваханский
 верч. — верчиквар
 др.-англ. — древнеанглийский
 др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
 др.-инд. — древнеиндийский
 др.-перс. — древнеперсидский
 и.-е. — праиндоевропейский
 иран. — иранские языки
 ишк. — ишкашимский
 кл.-перс. — классический персидский
 курд. — курдский
 нем. — немецкий
 общеарийск. — общеарийский
 ст.-слав. — старославянский
 тадж. — таджикский
 хот.-сак. — хотаносакский
 шугн. — шугнанский
 язг. — язгулямский

Литература

- Йеттмар 1986 — Йеттмар К. *Религии Гиндукуша*. Москва, 1986.
- Эдельман 1980 — Эдельман Д. И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза. *Вопросы языкоznания*, 1980, 5: 21–32.
- Стеблин-Каменский 1980 — Стеблин-Каменский И. М. «Колени» и «локти» памирского субстрата. *Переднеазиат-*

ский сборник Вып. III. История и филология стран Древнего Востока. Москва, 1979, 212–214.

Berger 1998a — Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I. Grammatik*. Wiesbaden, 1998.

Berger 1998b — Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden, 1998.

Buddruss, Degener 2015 — Buddruss G., Degener A. *Materialien zur Prasun-Sprache des Afghanischen Hindukusch, Teil I: Texte und Glossar*. Harvard University Press, 2015.

Dani 2001 — Dani Ah. H. *History of Northern Areas of Pakistan (Up to 2000 AD)*. Lahore, 2001

Kogan 2019 — Kogan A. I. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2019, 17(4): 263–284.

Kogan 2020 — Kogan A. I. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2020, 18(4): 261–75.

Kogan 2021 — Kogan A. I. Towards the reconstruction of language contact in the pre-Tibetan Upper Indus region. *Journal of Language Relationship*, 2021, 19(3–4): 153–165.

Kogan 2024 — Kogan A. I. On the etymological stratification of borrowed Indo-Iranian vocabulary in Burushaski. *Journal of Language Relationship*, 2024, 22(1–2): 21–42.

Kogan 2025 — Kogan A. I. Aryan loanwords in Burushaski as a data source for the reconstruction of language contact in the Upper Indus basin. *Journal of Language Relationship*, 2025, 23 (1–2): 17–25.

Lorimer 1935 — Lorimer D. L. R. *The Burushaski language. Vol. I. Introduction and grammar*. Oslo, 1935.

Lorimer 1937 — Lorimer D. L. R. Burushaski and its alien neighbours: problems in linguistic contagion. *Transactions of the Philological Society*, 1937: 63–98.

Mayrhofer 1992 — Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I Band*. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne 1945 — Morgenstierne G. Notes on Burushaski Phonology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvitenskap*, 1945, 13: 61–95.

Munshi 2019 — Munshi S. *Srinagar Burushaski. A Descriptive and Comparative Account with Analyzed Texts*. Leiden; Boston, 2019.

Pokorny 1959 — Pokorny, Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959.

Rix et al. 2001 — Rix H. et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.

Zoller 2005 — Zoller C. P. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani*. Volume 1: *Dictionary*. Berlin; New York, 2005.

References

- Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I. Grammatik*. Wiesbaden, 1998.
- Berger H. *Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil III. Wörterbuch Burushaski-Deutsch, Deutsch-Burushaski. Unter Mitarbeit von Nasiruddin Hunzai*. Wiesbaden, 1998.
- Buddruss G., Degener A. *Materialien zur Prasun-Sprache des Afghanischen Hindukusch, Teil I: Texte und Glossar*. Harvard University Press, 2015.
- Dani Ah. Hasan. *History of Northern Areas of Pakistan (Up-to 2000 AD)*. Lahore, 2001
- Edel'man D. I. K substratnomu naslediyu Tsentral'noaziatskogo yazykovogo soyuza [On the Substrate Heritage of the Central Asian Language Union]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1980, 5: 21–32. (In Russ.)
- Jettmar K. *Religii Gindukusha* [Religions of the Hindu Kush]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Kogan A. I. On possible Dardic and Burushaski influence on some Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2019, 17(4): 263–284.
- Kogan A. I. Notes on the historical phonology of Indo-Iranian loanwords in Northwestern Tibetan dialects. *Journal of Language Relationship*, 2020, 18(4): 261–75.

Kogan A. I. Towards the reconstruction of language contact in the pre-Tibetan Upper Indus region. *Journal of Language Relationship*, 2021, 19(3–4): 153–165.

Kogan A. I. On the etymological stratification of borrowed Indo-Iranian vocabulary in Burushaski. *Journal of Language Relationship*, 2024, 22(1–2): 21–42.

Kogan A. I. Aryan loanwords in Burushaski as a data source for the reconstruction of language contact in the Upper Indus basin. *Journal of Language Relationship*, 2025, 23(1–2): 17–25.

Lorimer D. L. R. *The Burushaski language. Vol. I. Introduction and grammar*. Oslo, 1935.

Lorimer D. L. R. Burushaski and its alien neighbours: problems in linguistic contagion. *Transactions of the Philological Society*, 1937: 63–98.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I Band*. Heidelberg, 1992.

Morgenstierne G. Notes on Burushaski Phonology. *Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap*, 1945, 13: 61–95.

Munshi S. *Srinagar Burushaski. A Descriptive and Comparative Account with Analyzed Texts*. Leiden; Boston, 2019.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, 1959.

Rix H. et al. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, 2001.

Steblin-Kamenskiy I. M. «Koleni» i «lokti» pamirskogo substrata [“Knees” and “Elbows” of the Pamir Substrate]. *Peredneaziatskiy sbornik Vyp. III. Istoriya i filologiya stran Drevnego Vostoka*. Moskva, 1979, 212–214. (In Russ.)

Zoller, C. P. *A Grammar and Dictionary of Indus Kohistani. Volume 1: Dictionary*. Berlin; New York, 2005.